

Чэн Фэнтай видел фотографию Пуи в газете, но в его мире никогда не существовало понятий о государе и подданных. Он повернулся к Шан Сижуй с улыбкой:

— Пуи выглядит болезненно худым, где уж ему до красоты второго господина! Не так ли?

Шан Сижуй, рождённый в эпоху Республики, также оставил позади дела прошлой династии. В его глазах был только этот элегантный «император» перед ним, и он энергично кивнул:

— Второй господин — самый красивый!

Сяо Лай не могла смотреть на их открытые любовные ужимки. Поставив перед Шан Сижуй чашку и палочки, она вернулась на кухню. Чэн Фэнтай, обращаясь к её спине, небрежно предложил:

— Мисс Сяо Лай, присоединяйтесь к нам!

Конечно, она его проигнорировала. Малыш Чжоу, всегда стеснявшийся богатых и незнакомых людей, увидев это, последовал за Сяо Лай на кухню. Чэн Фэнтай, не стесняясь, взял палочки и спросил:

— У хозяина Шана есть вино?

В последние дни, чтобы угостить лицедеев, у Шан Сижуй как раз было несколько бутылок хуадяо для стариков. Он крикнул на кухню. Сяо Лай, зная, что это для Чэн Фэнтая, долго грела вино, прежде чем принести его. К тому времени Чэн Фэнтай уже всю наслаждался едой, пар поднимался к линзам его очков, и, сняв их, Шан Сижуй увидел его покрасневшие глаза. Видимо, он снова где-то гулял всю ночь. Шан Сижуй, недовольный, взял кусочек еды и, жуя, пристально смотрел на его глаза. Чэн Фэнтай неуверенно улыбнулся:

— Скоро конец года, ночи напролёт занят подсчётом счетов.

Такая ложь не могла обмануть даже Шан Сижуй. Он, набивая рот рисом, пробормотал:

— Не верю тебе.

После обеда они разделили фрукт и, обнявшись, улеглись на кровать, чтобы вздремнуть. Шан Сижуй, сытый и сонный, едва мог держать глаза открытыми и, устроившись в объятиях Чэн Фэнтая, крикнул:

— Сяо Лай! Разбуди меня в четыре тридцать!

Сяо Лай из соседней комнаты звонко ответила. Чэн Фэнтай уже крепко спал, его рука лежала на спине Шан Сижуй, и даже этот крик не разбудил его. Видимо, прошлой ночью он действительно оторвался. Шан Сижуй недовольно скривил губы, но, когда его губы шевельнулись, это было похоже на поцелуй через тонкую ткань на груди Чэн Фэнтая.

Чэн Фэнтай, занимаясь бизнесом, оставил несколько отличных кусков ханчжоуского шёлка для

своей семьи, а также заказал два сундука одежды для Шан Сижуй — белые, синие, серебряные, серые и водянисто-зелёные чаншани и куртки. Шан Сижуй смеялся, говоря, что этого хватит ему до тридцати лет. Но Чэн Фэнтай возразил:

— Молодые люди носят одежду ради яркости. Надоест — сделаем новую. Разве нужно носить до дыр?

Он указал на мягкую, нежную ткань, похожую на яичную скорлупу:

— Этот шёлк не холодит кожу, лучше всего подходит для нижнего белья. Найдём хорошего портного, чтобы не испортить материал, и сделаем по два комплекта пижам.

Когда пижамы были готовы, из оставшегося материала Чэн Фэнтай велел сделать Сяо Лай два простых платка. Такая забота доходила до мелочности, что было совсем не похоже на него. Позже стало известно, что это был эксклюзивный материал, изготовленный во дворце, который не продавался на рынке. Женщины семьи Чэн получили по два комплекта нижнего белья, а мужчинам ничего не досталось. Пижамы Чэн Фэнтай осталась у Шан Сижуй, и с тех пор, когда они ложились спать, он заставлял Шан Сижуй тоже переодеваться в пижаму, что было очень по-западному. Поскольку они переодевались вместе, часто их пижамы путались. Шан Сижуй поначалу тоже не привык, считал это неудобным, но потом вспомнил стихи, которые ему рассказывал Ду Ци: «Как говорится, нет одежды, но мы делим плащ». Это как раз отражало их ситуацию.

На этот раз Шан Сижуй намеренно решил восстановить силы и крепко заснул, даже увидел короткий сон. Когда Сяо Лай пришла его будить, она разбудила Чэн Фэнтай, который, ещё больше сонный, притянул Шан Сижуй к себе, похоже, не проснувшись.

Шан Сижуй, протирая глаза, толкнул Чэн Фэнтай:

— Второй господин! Пора вставать!

Чэн Фэнтай, проведя рукой по его плечу, добрался до запястья, где висели замшевые часы, поднял их к глазам и невнятно пробормотал:

— Ещё рано. Мы поедем на машине, это всего десять минут, чего торопиться?

Сказав это, он положил руку на его грудь, прижался к его шее и слегка укусил. Шан Сижуй захихикал, и они начали возиться на кровати.

Сяо Лай, крикнув дважды без ответа, злилась, что Шан Сижуй перенял у Чэн Фэнтай плохие привычки, потеряв даже такую хорошую черту, как пунктуальность. Сегодня был важный день, опоздать было бы непростительно! Вскоре она послала Малыша Чжоу принести Шан Сижуй выстиранный чаншань и меховую куртку, явно намекая, что пора вставать. Малыш Чжоу стоял за дверью спальни, не зная, нужно ли помогать Шан Сижуй одеваться и умываться. В труппе Юньси в таких случаях он помогал Сы Си'эру одеваться, умываться и завтракать.

Шан Сижуй из комнаты сказал:

— Просто положи на стол.

Но Чэн Фэнтай возразил:

— В такую холодную погоду выходить за вещами? Простудишься. — И громко добавил:

— Малыш, заходи!

Малыш Чжоу, уставившись на свои туфли, вошёл, стесняясь поднять глаза. Шан Сижуй сидел на кровати, надевая одежду. Зимняя одежда была тяжёлой, и он, пыхтя, напоминал неуклюжего ребёнка. Но он не позволял себя обслуживать, а рядом лежал Чэн Фэнтай, и Малыш Чжоу не решался подойти. Взгляд его иногда невольно скользил в их сторону, и он видел, как рука Чэн Фэнтай лежит на талии Шан Сижуй, а тот, напрягаясь, пытался её убрать, но она снова возвращалась. Шан Сижуй ахнул и засмеялся:

— Как я могу одеваться, если ты так делаешь?

Но больше не пытался убрать его руку.

Когда Шан Сижуй, наконец, с трудом оделся и встал, он обернулся, чтобы позвать Чэн Фэнтай, но тот лениво протянул руку, чтобы его подняли. Шан Сижуй, как в перетягивании каната, несколько раз потянул, но Чэн Фэнтай не двигался. В последний рывок он сам упал на кровать, и они снова начали возиться, а Малыш Чжоу, стоя рядом, не мог сдержать улыбки.

В это время Старина Гэ, выполнив поручение Чэн Фэнтай, накормил солдат мясом, дал каждому по пять серебряных юаней и расставил их в театре. Вернувшись в дом Шанов, он через окно сказал:

— Второй господин, всё готово, поехали.

Чэн Фэнтай потянулся, резко сел, сон как рукой сняло, и он был полон энергии:

— Хозяин Шан, умойся, мы сейчас отправляемся. Сегодня твой большой день!

Если бы Сяо Лай была здесь, она бы снова ругалась: сколько времени он уже потратил на этот «большой день»?

Чэн Фэнтай вёл машину, Шан Сижуй сидел рядом, а Сяо Лай и Малыш Чжоу — сзади. Старина Гэ не был важным человеком, и ему велели следовать на рикше. Но дорога не была такой гладкой, как ожидал Чэн Фэнтай. В полули от театра по обеим сторонам улицы стояла толпа, аплодировала и кричала. Вдалеке виднелись несколько лицедеев из Терема Водных Облаков, которые ехали на рикше и кланялись толпе.

Чэн Фэнтай подумал, что это за шум. Спектакль ещё не начался, а уже такая суета, как будто встречают победителей. Это напомнило ему, как командующий Цао хвастался их прибытием в Бэйпин, когда он и его жена вышли из поезда, и власти устроили им такую же грандиозную встречу. Но тогда это было организовано, а сейчас — стихийно. Шан Сижуй превзошёл его. Он повернулся к Шан Сижуй с улыбкой:

— Что, хозяин Шан, тоже поедем на рикше, чтобы показаться?

Шан Сижуй, будучи человеком вспыльчивым, то и дело смотрел на часы, крича, что они опаздывают, и винил Чэн Фэнтая за то, что тот долго спал. Сейчас ему было не до шуток, и он сердито торопил:

— Смотри! Дорога забита! Как мы проедем? Если идти пешком... любители оперы меня узнают! Мы не пройдем! Всё из-за тебя!

На самом деле он и сам не ожидал такого ажиотажа. В Театре Цинфэн он привык к тихим переулкам за сценой и почти забыл, как его преследовали поклонники.

Чэн Фэнтай тоже был в затруднении, думал, может, надеть на него шляпу и просто прорваться через толпу. Малыш Чжоу, который раньше служил Сы Си'эру здесь, неуверенно предложил:

— Я знаю переулок, через который можно пройти. У театра есть задний вход. Но это займёт время.

<http://bllate.org/book/15435/1368619>